



моря,
приближающего горизонт. Кружевная
глазастая пена
накипает и исчезает, существованью
вторя.

Накипая и исчезая, к другому концу
вселенной
ты летишь со скоростью большей, чем
скорость света,
стоит только закрыть глаза, -
нерожденною и нетленной
светлой сутью своею, и сердце
колотится где-то

в отдалении.

Июнь 1996г.

ПОСТОЯЛЕЦ

Ничто, в которое нас выталкивают
взащей.
Ничто, глядящее из нутра вещей,
сквозь любое, тем паче возлюбленное
лицо,
сквозь пасхальное, кровью подсоленное,
винцо.

Ничто в обрамлении парка, дворца,
небес,
поодаль - унылых лачуг, покидаемых
также не без
сожаления: то, что сбылось, обретает
черты
утраты, ухода, прозрения, пустоты.

Грядущее ваше - пустыня, как говорит
природа цивилизации. Города каменный
монолит
дальновидной рекой и теперь уже
отражен
в виде развалин. Череповец, Дижон -

не разберешься, особенно ввечеру.
"И не все ли равно, в котором из них
умру,
ежели ни в одном не сложилась жисть?"
Пей свой насущный бром и в постель
ложись.

Больше нет ничего. То бишь только одно
и есть
ничто. Впрочем, это - благая весть,
это - устойчивость, это - надежный стог
в месте падения. Спокойной ночи,
браток.

1 сентября 1996

СОЗЕРЦАТЕЛЬ

Птица плещется, словно в ручье, в луче.
Мухи любятся на плече
созерцателя, посредством закрытых глаз
стремящегося нащупать в пространстве
лаз

в иное. По сути, любая вещь,
коль вид ее не соблазнителен, не
зловещ,
есть выход из лабиринта ночей и дней
к месту, откуда, как если б с горы,
видней

их совокупный смысл, то есть значимый
их предел,
не сводимый уже к перевесу хороших
дел
над дурными делами (кто обвиняет льва
в убийстве антилопы?). Неповинная
голова,

не разбирая, где лавры, а где колун,
обрастает мохом, что твой валун.
Но ее текучий хрустальный мозг
сам собой живет, и радуга - лучший
мост

меж его горизонтами. Время лежит в
горсти
спелой черникой, снегом. В полой нагой
кости
поселяется музыка. Прислушиваясь,
бирюза
обретает сознание... И он открывает
глаза.

27 августа 1996

КОМПОЗИЦИЯ В ДУХЕ ПАРАНОИДАЛЬНО- КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Сновиденная паранойя
лазутчиков внедряет в явь
и гонит разум вкось и вкривь
в ему запретное иное -

в мир за текучестью воды,
за холодком перил балконных,-
еще на бархатных барханах
не занесло твои следы,

еще свирепый неофит
не сокрушил твоих паросских
плеч и еще с тобой по-русски
хромое время говорит,-

но нечто брезжит не вдали,
дремучий искус извергая,
в нем заблудился б и Вергилий,
в проводники возьми Дали.

Изысканного оседлав
громокипящего жирафа,
гребни на юг - там гуще рифы
и больше умственных отрав:

там Будда есть и есть Христос,
куда уж круче, друг сердечный?
Да не позволит твой чердачный
менталитет тебе всерьез

воспринимать земной бардак
и кавардак потусторонний
и средь заоблачных строений
тебе завещанный барак!

Август 1996

ПОСЕЩЕНИЕ

Но был же ангел, был же ангел.
На Благовещение был.

Он врос в меня, как дуб вырастает в тучи;
как океан объемлет материк,
Завесов лебедь - Леду, обнимал он
меня горячим ветром аравийским,
восторгом бешеным - тысячекрылым
штормом,
трубя: - Элеонора! - "Ора, ора..." -
словно в ущелье, эхо отзывалось
в моей каморке тесной.

Гремели хоры
светил органом мощным Иоганна,
обои с громким треском отставали
от стен колеблемых...

Но кажется мне, то был ангел смерти.
Он душу, напоенную страданьем,
отчаяньем, стыдом и отвращеньем,
сорвал с меня, уродливую розу,
унес ее в тот, на краю вселенной
светящийся, висящий в пустоте
целебный город,
что спутник разглядел американский.

А я осталась здесь кричать и плакать:
- Ведь был же ангел, был же ангел, был же!..

ВЫСОТА

Бывают дни - все двери настезь,
и в небе тоже.
Так что же горнее мне застишь
ты дольным, Боже,

как будто пробуешь на прочность
живую душу?
Полжизни я смотрела в пропасть,
ужо не струшу

глядеть в ее отображенье -
в Твою бездонность
с орлами в пристальном круженьи
и в их бездонность

в избытке чистого пространства,
по-русски - воли.
И что мне пыжиться, стараться,
корпеть в юдоли,

когда могу - единым взмахом
ресниц - быть с ними
и в чем-то белом, но не марком
в проеме сини
сквозить, невеститься для света
на том пороге,
куда допущены поэты,

орлы да боги!

АПОКРИФ

1.

Новый Бог родился. Как небеса
легки
стали сегодня и на хребет не давят
панцирем крестоносца. Чайки клюют
с руки,
штопают чьи-то души и так летают.

Можно спуститься в бар, заказать вина,
выпить за новое, что пока еще безмянно,
и где-нибудь у Петропавловки всплыть со
дна,
слушать, как волны звенят о песок: осанна.

Что пожелать ему светлому? Не темнеть,
как образа от лобзаний прилежной паствы,
маму земную счастьем земным согреть
и в небе Отчем не посягать на царство.

2.

Новый Бог родился. И подведен итог
раем блазнившего, ставшего адом века.
Кошка дремлет на тротуаре у самых ног
мирно, как вся природа до человека

или как будет после, ежели после нас
что-нибудь будет кроме консервных банок,
многоэтажных руин и кислотных масс
в небе, поросшем гроздьями злых поганок.

Но все же родился Бог! И быть может,
направив Свой
солнечный зайчик на воющую планету,
Он возгласит: - Да будет хоть кто живой,
чтобы возделывать тьму и молиться свету.

КОДА

Не копать мне землицу в эдемском саду,
так и буду блуждать со звезды на звезду,
межпланетный бродяга, во веки веков
маргинал неприкаянный. Нежных оков

постоянство оседлого не признавать -
вот проклятье мое и моя благодать.
Разве космос огромный затем сотворен,
чтоб довольствоваться до скончанья времен

мне чахоточным кленом за тесным окном,
хлеб глухой запивая ослепшим вином,
созерцая все тот же обшарпанный двор,
продолжая набивший оскомину спор

о глубинах пространств, мелколюдые
жизня?
О бессмертная юность, погибель моя,
кто посмеет прервать твой свирепый
полет,
кто безумную песню твою оборвет,

кто погасит июльское солнце в груди -
это легкое сердце простого пути? -
от грядущего ветра не спрячу лица,
впереди только путь, только путь без
конца.

ПОСЛЕДНИЙ ТРАКТАТ

Когда опустился на самое дно
отчаянья, боли, - тут
тебя подбрасывает оно,
как упругий батут,

на некую новую высоту,
и ты постигаешь вдруг
стратегию духа, ее красоту,
смертельный, но мудрый трюк:

чистую прибыль потерь копя,
в итоге получишь ты
свободу целостного себя,
достигшего полноты

в обмене вселенной: то, что внутри,
равно тому, что вовне.
Высокий огненный лес зари
на штормовой волне -

твое божество и твоё естество.
Дроби в помине нет.
И смерть - триумф твой и
торжество,
окончательный свет.